

лектуальной собственности, ведь в случае их нарушения участниками этих самых правоотношений возникают охранные гражданские правоотношения, которые не принадлежат к сфере права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: правоотношения интеллектуальной собственности, регулятивные правоотношения, организационные правоотношения, охранные правоотношения.

Annotation

O. I. Kharitonova. The correlation between categories «intellectual property legal relationship» and «regulatory, organizational, protective legal relationships».

It has commonly been argued that civil legal relationships are divided into regulatory, organizational and protective. Taking into account the complexity of the intellectual property legal relationships, the combination of imperative and dispositive methods of regulation, regulative and protective elements in these relationships they could be both regulatory and protective. Protective civil relationships appear as a result, special legal effect of regulatory civil legal relationship's deformation, which cannot be eliminated without any compulsion. But this does not involve protective legal relationships, because if the participants in the civil legal relations violate these relations, the protective civil legal relationships, which don't belong to the sphere of intellectual property law, appear.

Keywords: intellectual legal relationships, regulatory legal relationships, organizational legal relationships, protective legal relationships.

УДК 341.362.1(677)

Н. А. Зелинская

ФЕНОМЕН «СОМАЛИЙСКОГО ПИРАТСТВА»: ЗАМКНУТЫЙ КРУГ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ОБЩЕУГОЛОВНОГО НАСИЛИЯ

Международная преступность представляет собой сложное, многоуровневое системное явление, компоненты которого имеют значительную специфику. В ее структуре (со значительной долей условности) можно выделить политическую преступность и неполитическую, или общеуголовную, преступность, оговорив, что они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены [1]. Термин «общеуголовная» или «уголовная преступность» ни в коей мере не предполагает существования некой «неуголовной преступности». Он применяется в самой широкой интерпретации и отражает, в первую очередь, существование различий между политическими и неполитическими видами преступной деятельности, предопределяющих особенности международно-правового реагирования на них.

В то же время, как справедливо подчеркивается в Докладе о мировом развитии за 2011 год, различные формы насилия связаны между собой. «Четверть населения нашей планеты — более 1,5 миллиарда человек — живут в нестабильных и затронутых конфликтами государствах или в странах с очень высоким уровнем преступности и уголовного насилия. Многие существующие сегодня конфликты и проявления насилия невозможно однозначно отнести к категориям войны и мира, либо уголовного и политического насилия...» [2]. «Страны и субнациональные образования, в которых легитимность институтов и система управления особенно слабы, наиболее уязвимы к повторяющимся

циклам насилия и нестабильности и в наименьшей степени способны противодействовать внутренним и внешним факторам стресса. Институциональный потенциал и подотчетность важны для противодействия и политическому, и уголовному насилию, — говорится далее в Докладе. — Беспрецедентный расцвет организованной преступности может привести к коллапсу многих нестабильных государств, если их институты падут жертвой насилия, сопутствующего всем этим явлениям» [3].

В состоянии такого коллапса свыше 20 лет находится Сомали. Уже более 20 лет Сомали не имеет центрального правительства; исполнительная власть фактически поделена между лидерами полуавтономного региона Пунтленд, «независимого государства» Сомалиленд и переходным федеральным правительством Сомали. На протяжении более чем двух десятилетий продолжающегося конфликта и отсутствия государственности с момента падения в 1991 году сомалийского правительства сменяющие друг друга поколения сомалийских лидеров занимают дающей разрушительные результаты политической и экономической деятельностью, которая еще более усугубляет последствия конфликта и перечеркивает усилия по восстановлению в стране мира и безопасности [4].

«Государство Сомали впало в состояние перманентной войны всех со всеми с 1991 года, после падения бывшего ставленника СССР Сиада Барре... С тех пор и по настоящее время на планете Земля существует очень странная, уникальная страна, на значительной части территории которой нет власти, нет порядка, нет законов, нет промышленности, нет образования и медицины, нет ничего, кроме хаоса и безнадежности. Где правит бал физически сильнейший, где автомат Калашникова для многих стал тем же, чем плуг является для крестьянина, а сеть для рыбака, орудием производства, единственным рабочим инструментом, позволяющим добыть пропитание и остаться при этом в живых. Наверное, какие-то институты и организации исследуют Сомали как полигон, как прообраз того, что может произойти, если рухнут власть и порядок», — пишет М. Д. Войтенко — известный журналист и авторитетный эксперт по вопросам морского пиратства [5].

Пиратство, будучи преступлением общеуголовным, оказывается «вплетенным» в систему политической преступности — ее особого вида, который составляют преступления, совершенные в условиях неэффективности государственной власти или ее фактического отсутствия [6]. В этой связи уместно вспомнить замечание Ч. Г. Александровича, который предлагал обратить внимание на то, что в античные времена существенным фактором, который влиял на становление феномена пиратства, была нехватка эффективной власти организованного политического сообщества [7].

Страдания народа Сомали, вызванные отсутствием эффективного государственного контроля над территорией, неспособностью государства обеспечить минимальный уровень социально-экономических благ и безопасности, привели к тотальной криминализации государства и виктимизации его населения. Украинский криминолог В. Н. Дрёмин утверждает: «Преступность стремится к самовоспроизводству, воздействуя на базовые государственные институты.

Криминализация ...предстает как процесс слияния преступного мира и государственных институтов, неспособность государства в лице его институтов выполнять свои функциональные обязанности» [8]. В Сомали этот процесс породил особый феномен — так называемое «сомалийское пиратство».

Пиратство у побережья Сомали (в широком смысле, охватывающем пиратство в строгом смысле слова — в открытом море или в районах за пределами юрисдикции любого государства — и вооруженный разбой на море) приобрело невиданный масштаб и характер глобального явления. Число судов, подвергшихся нападению у берегов Сомали, неуклонно росло с 1991 года. С 2007 года угроза сомалийского пиратства стала носить устойчивый характер. В 2008 году произошло беспрецедентное увеличение (на 11 %) числа актов пиратства или вооруженного разбоя в отношении судов на море во всем мире. Из 293 инцидентов, зарегистрированных Международным морским бюро в 2008 году, 111 имело место у побережья Сомали. За год почти на 200 % увеличилось число актов пиратства, совершаемых в крайне важном торговом коридоре, связывающем Суэцкий канал с Индийским океаном [9]. В 2008 году 34 % нападений были удачными для преступников; в 2009 году 21 %, в 2010 году — 26,6 % [10].

В Докладе Специального советника Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали, отмечается, что в 2010 году наблюдалась эскалация насилия, увеличение сроков захвата, более изощренный образ действий и расширение района нападений в южной (до Мозамбика) и восточной частях Индийского океана. Район нападений напоминает вытянутый треугольник, простирающийся от Йемена и Омана до Сейшельских островов и Танзании и даже до Мозамбика. Пираты все чаще используют захваченные суда в качестве базы для осуществления последующих нападений все дальше от берегов [11].

По состоянию на 15 мая 2010 года около 450 моряков стали заложниками, содержащимися на судах, захваченных пиратами у побережья Сомали [12]; по состоянию на 31 декабря 2010 года пираты удерживали уже 612 человек и 26 судов. В целом с декабря 2008 года по декабрь 2010 года (за два года) пираты захватили у побережья Сомали около 1900 человек и 105 судов [13]. Наибольшей активности деятельность сомалийских пиратов достигла в 2011 году, когда было зарегистрировано в общей сложности 237 инцидентов, по сравнению с 219 — в 2010 году. В основном пиратская деятельность велась вблизи Восточного и Юго-Восточного побережья Сомали, в Аравийском море и в южной части Красного моря, тогда как активность пиратов в Аденском заливе продолжала ослабевать. В то же время значительно сократилось число успешных для пиратов нападений — с 49 в 2010 году до 28 в 2011 году (снижение на 43 %). Половина случаев захвата имели место в первые два месяца года, после чего их число резко сократилось, и в период с мая по декабрь 2011 года произошло всего 6 удавшихся нападений по сравнению с 28 за тот же период 2010 года. В 2011 году было захвачено в общей сложности 470 моряков, из которых три человека были ранены, а восемь человек убиты, что является более низким показателем по сравнению с 2010 годом, когда было захвачено

1016 моряков, из которых, по имеющимся сообщениям, тринадцать были ранены, а восемь — убиты. В первом квартале 2012 года число сообщений о случаях пиратства и удавшихся нападений продолжало снижаться [14].

Наметившаяся тенденция к снижению результативных нападений не дает, однако, серьезных поводов для оптимизма. Говорить о том, что кризис, породивший феномен сомалийского пиратства, преодолен, явно преждевременно. Полагают, что относительные неудачи сомалийских пиратов на море привели к росту случаев похищения людей с целью выкупа на суше — тенденция, которая еще более усилилась в сентябре 2011 года, когда в Кении и Сомали были похищены иностранные туристы, работники по оказанию гуманитарной помощи и один журналист, которые затем передавались сомалийским пиратам [15].

Попытки сдерживать насилие сопряжены с огромными расходами. Так, например, морская операция по борьбе с пиратами в районе Африканского Рога и в Индийском океане обходится, по некоторым подсчетам, от 1,3 до 2 млрд дол. США в год, без учета дополнительных расходов на изменение маршрутов морских судов и увеличение страховых премий [16].

«Действия пиратов у побережья Сомали, их охота за судами, идущими через Аденский залив, — это наглядная демонстрация парадоксов нынешней глобальной системы. Почему совокупная экономическая мощь и возможности современных национальных государств не в силах устранить проблему, вернувшуюся из глубины веков?» [17]. Этот вопрос, сформулированный в Докладе о мировом развитии за 2011 год, волнует весь мир.

Пиратство имеет давнюю историю и традиционно относится к «классическим» международным преступлениям. Следует, однако, заметить, что понятие пиратства в международном праве не имело четких параметров и постоянно эволюционировало. Критерии преступной деятельности, именуемой пиратством, обсуждаются в доктрине международного права в течение нескольких веков [18]. Невзирая на то, что пиратство, как правило, осуждалось официальной государственной властью, оно долго оставалось одним из средств ведения войны, вследствие чего концепция пиратства в древности не отделяла его от действий военного характера. Понятие «пиратство» было чрезвычайно политизировано и использовалось политиками для обвинения врагов и оправдания собственных действий во время войны. Тем не менее пираты со времен Древней Греции и Рима объявляются врагами человечества, что позволяет говорить о том, что пиратство в какой-то степени объединило государства в борьбе с ним [19].

Римская концепция пиратов как *hostis humani generi*, то есть врагов человеческого рода, имеет значение и сегодня. Цель такого определения пиратов — выделить их как преступников, которые посягают не на отдельное государство, а на все человечество в целом, независимо от границ или соглашений об экстрадиции. Цицерон и Гроций называли пиратов врагами общей концепции государственности. Они не принадлежат ни к одному государству и, как писал Д. Дефо, провозгласили войну всему миру [20]. С XVII столетия международное право, преимущественно, определяло пиратство как «любой акт ограбления в открытом море, не санкционированный государством и совершенный в духе враждебности» [21].

Пиратство является самым древним преступлением, относительно которого государства использовали принцип универсальной юрисдикции в соответствии с международно-правовым обычаем, при том что нормативного определения пиратства не существовало до 1958 года [22]. Как известно, Первая конференция по морскому праву 1958 года приняла Конвенцию об открытом море, включавшую восемь статей о пиратстве. Хотя с точки зрения формального толкования Конвенции пиратство может быть совершено только в открытом море, а такие же действия в других водах — это разбой на море, фактически эти преступные акции между собой не различаются и имеют схожие негативные последствия для потерпевших [23].

Широко распространено мнение, что конвенционная формулировка отражает международно-правовой обычай, определяющий пиратство как преступление *jure gentium*, в силу чего понятие пиратства и нормы о допустимости универсальной юрисдикции в отношении него имеют правовое значение для всех государств, вне зависимости от того, являются ли они участниками указанных договоров [24]. Так, Д. Джулфойл не видит существенных различий между преступлением пиратства, как оно определено в договорном и в обычном праве [25]. В то же время А. П. Рабин, глубоко изучив историю пиратства и борьбы с ним с глубокой древности, заключил, что понятие пиратства как преступления против общего международного права не построено на достаточно последовательной практике [26]. Многие специалисты настаивают на том, что конвенции содержат только частичную кодификацию обычного права о пиратстве. По их мнению, данное определение носит сугубо договорный характер и не соответствует в полной мере обычно-правовому представлению о пиратстве, а содержащиеся в них нормы, касающиеся пиратства, связывают только их участников [27].

Следует подчеркнуть, что статьи Конвенции 1958 года устанавливают, что деяние должно быть совершенным в «личных целях». Конвенция ООН по морскому праву 1982 года воспроизвела эти положения почти без изменений. Указание на «личные цели» дает серьезные основания для дискуссии, поскольку далеко не всегда можно четко разграничить политические и личные цели. Понятие личных (или частных) целей не тождественно понятию корыстных интересов, хотя, безусловно, включает их. Как видно из конвенционного определения, собственно корыстное проявление пиратства — «акт грабежа» (*act of depredation*) названо лишь третьим в перечислении возможных действий, составляющих объективную сторону пиратства. Первым назван любой неправомерный акт насилия (*any illegal acts of violence*), вторым — любой неправомерный акт задержания (*detention*). Некоторые авторы полагают, что указание на «личные цели» исключает из концепции пиратства нападения на правительственные суда повстанцами во время гражданской войны. Другие, напротив, трактуя «частные цели» как отсутствие должных полномочий, исходят из того, что акты восстания или мятежа можно рассматривать как пиратские, так как лица, совершающие такие акты, в любом случае не могут быть уполномочены суверенной властью [28].

Конвенционное определение пиратства, содержащееся в Конвенции 1958 года об открытом море и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, отражает международно-правовой консенсус относительно этого понятия, сложившийся в условиях острой идеологической конфронтации государств второй половины XX века. Однако ретроспективный анализ процесса становления пиратства как преступления *jure gentium* показывает, что мотивация морских разбойников, в большинстве случаев, не ограничивалась целями личного обогащения и включала в себя политические компоненты. Безусловно, современное понимание пиратства существенно отличается по своим правовым характеристикам от его античного или средневекового понимания. Оно, как представляется, существенно отличается (или должно отличаться) и от той модели, которая утвердилась и получила конвенционное подтверждение во второй половине XX века — в период «холодной войны».

Сомалийское пиратство как сложный политико-правовой феномен представляет собой тесное переплетение общеуголовного и политического насилия. В современном сомалийском пиратстве неизбежно присутствует политический компонент как с точки зрения мотивации (имея, безусловно, корыстный характер, пиратские акции могут преследовать сугубо частные цели для непосредственных их исполнителей и быть средством для достижения политических целей для организаторов), так и с точки зрения контекста — будучи совершенными в ситуации вооруженного конфликта, они неизбежно оказываются связанными с политическими формами насилия, а также в силу их политической значимости, приобретшей глобальный характер.

Исследуя мотивацию сомалийского пиратства, нельзя игнорировать тот факт, что в качестве одной из непосредственных причин крупномасштабного распространения пиратства у берегов Сомали называется то, что жителям этой страны необходимо было защищать свои территориальные воды и свои рыбные ресурсы от незаконного лова, неконтролируемой дегазации и сброса токсичных отходов с иностранных судов. Еще в 1997 году миссия по оценке, проводившаяся под эгидой Организации Объединенных Наций М. Г. Каядом, предупредила международное сообщество о последствиях такой практики и рекомендовала создать механизм наблюдения и защиты в отношении территориальных вод Сомали. Отсутствие государственных структур, способных защитить морские ресурсы страны, а также бороться с преступной практикой пиратов, вызвало новый всплеск пиратской деятельности, особенно начиная с 2005 года после того, как в результате цунами было разорено побережье Пунтленда между Хафунгом и Гаракадом, разрушено 18 тыс. домов и обнаружился реальный масштаб токсичных отходов, сброшенных у берегов Сомали. Перемещение актов пиратства, которые теперь осуществляются далеко от побережья Сомали, очевидно свидетельствует о том, что они не связаны с защитой национальных интересов [29], однако наличие обстоятельства, сопутствующего интенсификации пиратства, должны учитываться при его оценке.

В условиях, когда основная опасность от актов пиратства исходит в ситуациях, когда «частные» цели тесно переплетены с политическими, а некоторые

негосударственные организации соперничают по своей мощи с государствами, критики сформулированного в конвенциях определения пиратства справедливо указывают на неадекватность исключения из определения любых проявлений политического экстремизма [30]. Так, А. Чатурведи рассматривает пиратство и терроризм как две стороны одной медали, составляющие единое целое, полагая, что к терроризму на море следует подходить как к проблеме, связанной с пиратством. «Вопреки распространенному мнению, что пираты действуют с единственной целью наживы, многие современные пираты, как и террористы, имеют далеко идущие политические цели. На практике границы между этими явлениями зачастую оказываются размытыми. Разобраться, где терроризм, а где пиратство, становится все сложнее. Особенно в Сомали, где между пиратами и террористическими организациями давно существуют прочные связи», — пишет А. Чатурведи [31].

Эволюция юридической концепции пиратства не завершена: ее распространение, в соответствии с современными реалиями, на политически мотивированные акции расширяет возможности международного сотрудничества в борьбе с вооруженным захватом морских судов, в силу чего является желательным и исторически обоснованным.

Сегодня на международной арене действует мощный актор — интернациональный терроризм, способный противостоять и отдельным государствам, и совместным усилиям государств. Современное пиратство обнаруживает очевидную связь с терроризмом. Оно использует террор — «устрашение» с целью получения материальной выгоды — выкупа. По способу совершения — захват заложников и захват морского судна — также является проявлением терроризма. Многие исследователи современного пиратства указывают на его очевидную связь с терроризмом [32].

Эта связь проявляет себя и в Сомали. Как известно, юг Сомали контролирует группировка «Аш-Шабааб». 9 февраля 2012 года «Аш-Шабааб» и «Аль-Каида» выступили с совместным заявлением об их формальном слиянии [33]. Несмотря на то, что за последний год «Аш-Шабааб» претерпела ряд неудач (в августе 2011 года она вывела свои силы из большей части Могадишо, а впоследствии уступила еще часть территории), эта группировка, как утверждает в Докладе Группы контроля по Сомали и Эритрее [34], представляет собой серьезную угрозу для мира, безопасности и стабильности не только в Сомали, но и в более широком международном контексте. «Аш-Шабааб» активно укрепляет связи не только с «Аль-Каидой», но и с другими иностранными экстремистскими группами, включая, в частности, Мусульманский молодежный центр (ММЦ) в Кении, Мусульманский молодежный центр Ансаар (ММЦА) в Объединенной Республике Танзания и организацию «Аль-Каида» на Аравийском полуострове (Йемен) [35]. Официально повстанцы движения «Аш-Шабааб» и «Хизбул Ислам» выступают против пиратства, однако эксперты полагают, что на местном уровне существуют договоренности, которые гарантируют пиратам спокойную жизнь в обмен на часть полученных от выкупа денег.

Как известно, сомалийские пираты осуществляют свои нападения из двух основных районов: Пунтленда, где проживает подавляющее большинство пиратов, и центральной части юга Сомали от Харардере до Кисмайо, в которой с сентября 2010 года наблюдается новая тревожная тенденция, выражающаяся в перемещении точек отправления на юг Сомали в район, где отсутствует правительство (и присутствует движение «Аш-Шабааб»). Эпицентром пиратства по-прежнему является Пунтленд. Большинство портов, где стоят суда во время переговоров о выкупе, по-прежнему находятся главным образом между Хобьо и Гаракадом (восточное побережье Пунтленда), а также в Хабо (северное побережье Пунтленда) [36].

Институциональный кризис и полная деградация экономики стали главной причиной активизации пиратства в Сомали. Используя предложенный В. Н. Дреминым подход к оценке организованной преступности как разновидности институционализированных социальных практик, можно сказать, что на фоне распада и криминализации государственных институтов в Сомали произошла институционализация пиратства как криминальной практики [37]. В книге «Пиратское государство» П. Айхштадт исследует связи между пиратами, финансистами и экстремистами, которые управляют южным Сомали и взаимодействуют с террористами многих стран [38]. Д. Секулич рассматривает пиратство как многонациональное многомиллиардное предприятие, которым управляют синдикаты организованной преступности и лидеры местных конфликтующих сторон [39].

Постоянное отсутствие безопасности в стране парализует ее экономику и не оставляет гражданам шансов на законную занятость, приносящую доход. По некоторым данным, в 2008 году 1400 молодых сомалийцев занимались морским пиратством. Некоторые из завербованных пиратов являются опытными рыбаками; другие, например завербованные из сомалийских лагерей для перемещенных внутри страны лиц, это люди, которые просто ищут возможность выбраться из своего отчаянного положения. в случае нападения, в результате которого удастся получить выкуп в размере 1 млн дол. США, пират может заработать до 10 тыс. дол. США, что превышает заработную плату, которую можно получить за три года работы на законном местном предприятии [40].

Население Сомали находится в критически бедственном положении: по данным ООН, по состоянию на 15 апреля 2011 года количество людей в Сомали, нуждающихся в гуманитарной помощи и средствах к существованию, достигло 2,4 млн человек, что на 20 % больше по сравнению с предыдущими шестью месяцами. На положении в Сомали негативно сказываются сохраняющееся отсутствие безопасности для гражданского населения, перемещение населения и отсутствие продовольственной безопасности. Каждый четвертый ребенок в южной части Сомали страдает от острого недоедания. Засуха и конфликты стали основными причинами перемещения населения. С декабря 2010 по апрель 2011 года из-за засухи свои места проживания покинули почти 55 тыс. человек. Причиной дополнительного перемещения также стало возрастание угрозы безопасности в южной части центрального Сомали. В Могадишо из-за интенсивных

боевых действий только в первые два месяца 2011 года свои места проживания покинули почти 16 тыс. человек. Эскалация конфликта на юге центральной части Сомали усугубляет проблемы, которые испытывает население [41].

Тяжелейшее положение народа, пострадавшего от войны и от массового голода в 2011–2012 годах, еще более усугубилось в результате повсеместного нарушения норм международного гуманитарного права и права прав человека. Группа контроля смогла подтвердить факт постоянного нарушения резолюции 2002 (2011) Совета Безопасности всеми сторонами в конфликте, включая нападения на мирное население, насилие на гендерной почве, вербовку и использование детей-солдат и насильственное перемещение или изоляцию гражданского населения [42]. В период 2011–2012 годов из-за продолжающихся конфликта и засухи многим сомалийцам в поисках безопасности и помощи приходилось перемещаться в собственной стране, часто переезжая в крупные городские центры, либо искать убежище в других странах региона, в частности в Кении и Эфиопии. По состоянию на апрель 2012 года общее число внутренне перемещенных лиц в Сомали составило 1,36 миллиона человек, а число беженцев в регионе — 973 151 человек [43]. В то же время из Сомали продолжают поступать сообщения о нападениях на гражданское население, повсеместных изнасилованиях и сексуальных посягательствах, случаях вербовки и использования детей-солдат и насильственных перемещениях или акциях изоляции уязвимых групп населения [44].

Рассматривая генезис феномена сомалийского пиратства, Специальный советник Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали, акцентировал внимание на появлении «индустрии пиратства». Индустриализация этого явления, в частности, появление новых профессий (посредники, переговорщики, переводчики) создает усиливающуюся зависимость населения Сомали от пиратства [45]. В Докладе Группы контроля по Сомали и Эритрее говорится: «Несмотря на то, что в 2011 году пираты были наиболее активными, количество случаев успешного захвата ими судов значительно снизилось..., пиратские группировки самым различным образом начали приспособливаться к таким более сложным для них условиям ведения своей деятельности. В Центральном Сомали пираты совершали акты похищения людей в целях получения выкупа на суше, акты захвата гуманитарных работников, журналистов и туристов в качестве заложников. Пираты-переговорщики начали предлагать свои услуги в качестве «консультантов» и «экспертов» по вопросам, связанным с пиратством, а также в качестве «консультантов» при поиске новых путей ведения пиратской деятельности [46]. Такое изменение модели пиратского бизнеса происходит под влиянием членов сомалийской диаспоры, которые владеют иностранными языками, имеют паспорта и банковские счета» [47].

Проводя расследование перевода и инвестирования доходов от пиратской деятельности, Группа контроля выявила несколько случаев переводов финансовых средств между сомалийскими пиратами и лицами из числа сомалийской диаспоры, которые были связаны с рядом случаев захвата, в частности тор-

говых судов «Al Khaliq» (2009 год), «Orna» (2010 год), «Irene SL» (2011 год), «Zirku» (2011 год), «Rosalio D'Amato» (2011 год) и «Enrico Ievoli» (2011 год) [48]. Экономика Сомали начинает ориентироваться на поддержку пиратов, во что втягиваются целые деревни, теперь уже с одобрения некоторых вождей племен и даже некоторых представителей диаспоры. «Возникает опасность достижения точки невозврата, когда формируется подлинно мафиозная экономика на базе пиратства и происходит разрушение основ сомалийского общества, построенного на непрочных локальных связях» [49].

Пиратство оказывает разрушительное воздействие на клановую структуру сомалийского общества и дестабилизирует власть местных органов, ставя их перед дилеммой: либо они поддерживают пиратов и тем самым компрометируют себя, либо выступают против пиратов и лишают себя легкодоступных ресурсов. По данным Африканского банка развития, ежегодные поступления в районе Пунтленда в 2009 году составляли порядка 16 млн дол. США, а доходы от пиратства, по данным Группы контроля по Сомали, в том же году составляли 82 млн дол. США [50].

Ситуация усугубляется тотальной криминализацией существующих в Сомали властных структур. Группа контроля по Сомали и Эритрее отмечает, что политический разброд, характеризующий руководство переходного федерального правительства, присущая ему коррупция и активное нежелание делиться властью являются главными препятствиями для обеспечения безопасности и стабильности в Сомали [51]. В докладе Группы контроля отмечается, что несмотря на то, что прошло почти восемь лет с момента создания переходного федерального правительства, методы финансового управления в государственном секторе по-прежнему носят коррупционный характер. Как заявил Группе один высокопоставленный чиновник переходного федерального правительства, занимающийся финансовыми вопросами: «Ничто в этом правительстве не происходит без того, чтобы не прозвучал вопрос «Махаа игу жігаа?» («Что я с этого буду иметь?») [52]. В условиях процветающей в переходных федеральных учреждениях коррупции пиратство получает прямую и косвенную поддержку. Группе контроля удалось подтвердить факт причастности высших должностных лиц переходного федерального правительства к предоставлению известному пиратскому главарю защиты от судебного преследования путем выдачи ему дипломатического паспорта и назначения посланником «по борьбе с пиратством» [53]. Коррупция подрывает процесс стабилизации ситуации в Сомали и усугубляет страдания сомалийского народа, подвергающегося тяжелейшим формам насилия — политического и уголовного.

В резолюции 2060 (2012), принятой Советом Безопасности 25 июля 2012 года, выражена озабоченность в связи с тем, что сроки, установленные для завершения политического переходного процесса, продолжают срываться, и подтверждается, что переходный период не будет продлен после 20 августа 2012 года в соответствии с Переходной федеральной хартией, Джибутийским соглашением, Кампальским соглашением и решениями последующих консультативных встреч. В резолюции выражается сожаление в связи со всеми актами

насилия, надругательствами и нарушениями, включая сексуальное и гендерное насилие, которое совершается в отношении гражданских лиц, в том числе детей, вопреки применимым нормам международного права, решительно осуждается вербовка детей-солдат [54].

«Восстановление доверия и преобразование институтов, обеспечивающих безопасность и справедливость, а также экономических институтов возможно на протяжении жизни одного поколения, даже в странах, переживших тяжелые конфликты. Но для этого требуется решимость руководства страны и перестроенная международная система, способная противостоять рискам XXI века: необходимы перенос центра тяжести при оказании помощи на предупреждение политического и уголовного насилия, изменение процедур международных учреждений, принятие мер реагирования на региональном уровне и придание нового импульса сотрудничеству стран с низким, средним и высоким уровнем дохода, — говорится в Докладе о мировом развитии (2011) [55].

Не отрицая очевидной и безусловной необходимости борьбы с безнаказанностью морских пиратов, следует распространить это требование не только на непосредственных исполнителей, которых толкает на совершение преступлений нужда и безысходность, но и на тех, кто возглавляет силы, превратившие пиратство в особый вид высокодоходной преступной деятельности, а Сомали — в «пиратское государство». Необходимо активизировать усилия на восстановление государственности в Сомали и защиту населения от грубейших нарушений норм международного гуманитарного права и права прав человека.

«Фундамент прочного мира и безопасности в Африке должен покоиться на развитии, благом управлении, на участии широких масс как в политической, так и экономической жизни и на существовании возможностей для этого. Сегодня у нас нет никаких сомнений на тот счет, что подлинными и неминуемыми угрозами миру и безопасности как в отдельных странах, так и на глобальном уровне являются обездоленность, нищета и отчаяние, особенно в среде молодежи. Такие преступления, как оборот наркотиков, пиратство и терроризм..., коренятся именно в нищете», — с этим тезисом из выступления представителя Танзании г-на Сефуе на заседании Совета Безопасности ООН, состоявшемся 5 марта 2012 года в связи с рассмотрением ситуации в Сомали, трудно не согласиться [56].

Для успешного противодействия пиратству, безусловно, необходимо изучение и учет его социально-политических причин [57]. Сегодня же «международное сообщество задействует колоссальные ресурсы для преследования и наказания лиц, находящихся в самом низу пиратской пирамиды, большинство из которых влачат нищенское существование и которым легко найти замену, что фактически гарантирует безнаказанность лицам, располагающимся вверху этой пирамиды, несущим главную ответственность и получающим наибольшую прибыль» [58].

В Докладе Специального советника Генерального секретаря по правовым вопросам, касающимся пиратства у берегов Сомали (2011), сформулированы основные направления противодействия пиратству. Рекомендуемый подход заключается в срочной разработке глобального многоаспектного плана в от-

ношении Пунтленда и Сомалиленда, состоящего из трех частей, которые реализуются одновременно: экономический аспект, аспект безопасности и юрисдикционный/пенитенциарный аспект. Экономический аспект предполагает обеспечение суверенитета властей Сомали над их территорией. «Быстрое и эффективное отправление правосудия в отношении пиратов необходимо, прежде всего, для Сомали, являющейся одновременно источником пиратства и его жертвой. Соответствующее решение должно вписываться в рамки усилий, предпринимаемых в целях урегулирования сомалийского кризиса и укрепления правопорядка в Сомали. В любом случае было бы бесполезно искать вариант правового решения в отрыве от Сомали как страны, с территории которой действуют пираты. В равной мере было бы нереально пытаться решить проблему путем применения карательных мер, не уделяя при этом внимания мерам превентивного характера..., — говорится в Докладе. — Искоренение пиратства требует разработки экономических альтернатив с тем, чтобы «экономика пиратства» не подорвала всю сомалийскую экономическую систему и чтобы снова дать надежду молодежи, которая слишком часто не видит перед собой будущего...» [59]; «пресекающие акции напрасны, если они не сопровождаются созданием альтернатив пиратству для сомалийского населения» [60].

Политическое и общеуголовное насилие создают замкнутый круг, который необходимо прервать усилиями мирового сообщества и народа Сомали. Международное сотрудничество должно быть основано на скоординированном и взаимодополняющем подходе, учитывающем глубинные причины насилия, охватившего страну, и направлено на преодоление тотального институционального кризиса. Необходимо оказывать содействие строительству стабильных институтов и созданию функционального, эффективного государства, способного удовлетворять потребности в области экономического и социального развития.

Литература

1. Зелінська Н. А. Структура міжнародної злочинності // Актуальні проблеми держави та права: Зб. Наук. праць. — Вип. 11. — Одеса, 2001. — С. 623–627; Зелінская Н. А. Международная преступность: политическая или общеуголовная? // Правовые проблемы противодействия организованной преступности: Сборник научных статей. — Одесса, 2005. — С. 122–135.
2. Доклад о мировом развитии, 2011 год. — Вашингтон, 2011: Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. — С. 2.
3. Там же. — С. 10.
4. UN. DOC. S/2012/544.
5. Войтенко М. Феномен сомалийского пиратства — исследование // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.odin.tc/disaster/piracyresearch.asp>.
6. См. подробнее: Зелінская Н. А. К вопросу о понятии политического преступления и политической преступности // Политическая криминология. — Вестник научных трудов. — Нижнекамск, 2005. — С. 3–44; Зелінська Н. А. Концепт «політична злочинність» // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. — Вип. 25. — Одеса, 2005. — С. 491–497.
7. Alexandrowicz Ch. H.. Studies in the history of the law of nations, Volume 2. — BRILL. — 1972. — 265 p. — P. 203–205.
8. Дремин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества: монография. О. : Юрид. лит.-ра. — 2009. — С. 261.

9. UN. DOC. S/2009/146.
10. UN Doc. S/2011/30 — para. 14.
11. UN. DOC. S/2011/30.
12. UN. DOC. S/2010/394. — Paras. 7, 8.
13. UN Doc. S/2011/30. — Para. 29.
14. UN. DOC. S/2012/544. — Paras. 39, 40.
15. UN. DOC. S/2012/544. — Para. 44.
16. Доклад о мировом развитии, 2011 год. — С. 1.
17. Там же.
18. See: Molloy Ch. *De jure maritimo et navali: or, a treatise of affairs maritime and of commerce*. London: J. Walthoe junior, J. Wotton, 1722; Dickinson S. N. *The Pirates own book; or, Authentic narratives of the lives, exploits, and executions of the most celebrated sea robbers: With historical sketches of the Joassamee, Spanish, Ladrone, West India, Malay, and Algerine pirates*. — F. Blake, 1855. — Original from the New York Public Library 2009.
19. Simbeye Y. *Immunity and International Criminal Law*. Ildershot: Ashgate, 2004. — P. 41–42.
20. See: Burgess D. R. *The Pirates' Pact: The Secret Alliances Between History's Most Notorious Buccaneers and Colonial America*. — International Marine/Ragged Mountain Press, 288 p.
21. Bishop J. P. *Commentaries on the criminal law, Volume 2* — Ed. 4. — Little, 1868, — P. 559.
22. Sarah B. Sewall, Carl Kaysen. — *The United States and the International Criminal Court: national security and international law*. — Rowman & Littlefield, — 2000. — P. 218.
23. Lehr P. *Violence at sea: piracy in the age of global terrorism*. — Routledge — 2007. — P. 155.
24. Barrios E. Note, *Casting a Wider Net: Addressing the Maritime Piracy Problem in Southeast Asia*// *Boston College International & Comparative Law Review*. — № 28. — 2005. — P. 149, 153.
25. Guilfoyle D. *Treaty Jurisdiction over Pirates: A Compilation of Legal Texts with Introductory Notes Prepared for the 3rd Meeting of Working Group 2 on Legal Issues the Contact Group on Piracy off the Coast of Somalia*. — Copenhagen, 26–27 August 2009.
26. Rubin A. P. *The law of piracy*. — University Press of the Pacific, 2006.
27. Noyes J. E. *An Introduction to the International Law of Piracy*// *California Western International Law Journal*. — № 21. — 1990. — P. 105.
28. Lanham H. *Walk the Plank: Somali Pirates and International Law*. — University of Otago, 2009. — P. 18–19.
29. UN Doc. S/2011/30 — Paras. 12, 13.
30. Halberstam M. *Terrorism on the High Seas: The Achille Lauro, Piracy and the IMO Convention on Maritime Safety*// *The American journal of international law*. — Vol. 82. — P. 272.; Keith M. *War, Piracy and Terror : the High Seas in the 21st Century*// *The Journal of International Maritime Law*. — 2006. — Vol.12, issue 5. — P. 313–324.
31. Chaturvedi A. *NavyTwo Faces of High-Seas Crime*//*Proceedings Magazine* — July 2010 Vol. 136/7/1,289 <http://www.usni.org/magazines/proceedings/2010-07/two-faces-high-seas-crime>.
32. См. подробнее: Ronzitti N. *Maritime Terrorism and International Law*. — Martinus Nijhoff Publishers, 1990; Burgess D. R. *The World for Ransom: Piracy Is Terrorism, Terrorism Is Piracy*. — Amherst, NY: Prometheus Books, 2010. — 312 p.; Bahadur J. *The Pirates of Somalia: Inside Their Hidden World*. — Pantheon; 2011, 320 p.
33. UN. DOC. S/2012/544. — Para. 32.
34. Мандат Группы контроля по Сомали и Эритрее содержится в пункте 6 резолюции 2002 (2011) Совета Безопасности, которая была принята 29 июля 2011 года. Дополнительные задачи были возложены на Группу контроля в соответствии с резолюциями 2023 (2011) и 2036 (2012).
35. UN. DOC. S/2012/544. — Paras. 24–27.
36. UN. DOC. S/2011/30.. — Paras. 19, 20.
37. Dryomin V. *Crime and its organized forms as a type of social practice*// *Organized Crime, Trafficking, Drugs: Selected papers presented at the Annual Conference of the European Society of Criminology*. — Helsinki, HEUNI, 2003. — P. 48–49; Дремин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества. — С. 97–117.
38. Eichstaedt P. *Pirate State: Inside Somalia's Terrorism at Sea*. — Chicago Review Press, 2010.
39. Sekulich D. *Terror on the seas: true tales of modern-day pirates*. — Thomas Dunne Books, 2009.

40. UN. DOC.. E/CN.15/2011/18. — Paras. 7–9.
41. UN Doc. S/ 2011/277. — Paras. 50, 51.
42. UN. DOC. S/2012/544. — Paras. 93 -95.
43. UN. DOC. S/2012/544. — Para. 104.
44. Ibid.
45. UN Doc. S/ 2011/277. — Paras. 16, 143.
46. UN. DOC. S/2012/544. — Paras. 42, 45.
47. Ibid. — Para. 47.
48. Ibid. — Para. 46.
49. UN. Doc. S/2011/30. — Para. 16.
50. Ibid. — Para. 22.
51. UN. DOC. S/2012/544.
52. Ibid. — Para. 16.
53. Ibid.
54. UN. Doc. S/RES/2060 (2012).
55. Доклад о мировом развитии, 2011 год. — С. 1.
56. UN. Doc. S/PRST/2012/4. — С. 31.
57. Короткий Т. Р. Криминологическая характеристика современного пиратства // Міжнародна криминологія: стан і перспективи : збірник матеріалів круглого столу. Б-ка журналу «Юридичний вісник» / за ред. М. П. Орзіха, В. Ф. Антипенко. — Одеса : Фенікс, 2010. — С. 273.
58. UN. Doc. S/2012/544. — Para. 48.
59. UN. Doc. S/2011/30. — Paras. 79, 81.
60. Ibid. — Para. 143.

Анотація

Зелінська Н. А. Феномен «сомалійського піратства»: замкнуте коло політичного і загальнокримінального насильства. — Стаття.

У статті розглянуто «сомалійське піратство» як прояв та наслідок активізації загальнокримінальної та політичної злочинності, яка обумовлена крахом державності в Сомалі. Автор приходить до висновку, що політичне і загальнокримінальне насильство створюють замкнуте коло, яке можна перервати спільними зусиллями світового співтовариства і народу Сомалі. Необхідним є скоординований та взаємодоповнюючий підхід, спрямований на формування стабільних соціальних інститутів і створення функціональної, ефективної держави, яка була б здатна задовольняти потреби в області економічного і соціального розвитку.

Ключові слова: міжнародне співробітництво, піратство, тероризм, політичне насильство, Сомалі.

Аннотация

Зелинская Н. А. Феномен «сомалийского пиратства»: замкнутый круг политического и общеуголовного насилия. — Статья.

В статье рассматривается «сомалийское пиратство» как проявление и следствие активизации общеуголовной и политической преступности, обусловленной крушением государственности в Сомали. Автор приходит к выводу, что политическое и общеуголовное насилие создают замкнутый круг, который можно разорвать совместными усилиями мирового сообщества и народа Сомали. Необходим скоординированный и взаимодополняющий подход, направленный на формирование стабильных социальных институтов и создание функционального, эффективного государства, способного удовлетворять потребности в области экономического и социального развития.

Ключевые слова: международное сотрудничество, пиратство, терроризм, политическое насилие, Сомали.

Summary

Zelinskaya N. The phenomenon of «Somali Piracy»: a vicious circle of political and common criminal violence. — Article.

The problem of «Somali piracy» as a manifestation and a consequence of common and political crime activation following the statehood collapse in Somalia is approached in the article. The author comes to the conclusion that the political and common violence creates a vicious circle that can be interrupted by joint efforts of the international community and the people of Somalia. A coordinated and complementary approach aimed at the formation of stable social institutions and the creation of a functional and effective state able to meet the economic and social development needs is required.

Keywords: international cooperation, piracy, terrorism, political violence, Somalia.

УДК 341.3:341.6

М. М. Гнатовський

КВАЛІФІКАЦІЯ МІЖНАРОДНИХ ЗБРОЙНИХ КОНФЛІКТІВ У ПРАКТИЦІ МІЖНАРОДНИХ СУДОВИХ УСТАНОВ

Постановка проблеми. Не викликає сумнівів, що у сучасному світі міжнародне гуманітарне право (далі — МГП) як галузь міжнародного права, спрямована на обмеження застосування насильства під час збройних конфліктів, не тільки зберігає, але і збільшує свою актуальність. Утім, у позитивному МГП відсутнє повне визначення всіх ситуацій, до яких воно застосовується. Так, Женевські конвенції про захист жертв війни від 12 серпня 1949 р. (далі — ЖК) у спільній статті 2, Додатковий протокол I (далі — ДП I) та Додатковий протокол II до них від 8 червня 1977 р. — у ст. 1 (у кожному з Додаткових протоколів її зміст відрізняється) називають ситуації, до яких вони застосовуються, проте не містять чітких та недвозначних критеріїв, за якими такі ситуації можна визначити. Це створює одну з найбільш серйозних проблем у практичному застосуванні МГП, оскільки його норми не діють у ситуаціях, що не перетинають відповідний «пори́г застосування» (а є, наприклад, «внутрішніми заворушеннями» або «внутрішньою напруженістю»). Крім того, міжнародно-правове регулювання збройних конфліктів міжнародного та неміжнародного характеру, всупереч численним закликам до уніфікації, досі доволі суттєво відрізняється як за джерелами, так і за змістом. За недостатньої чіткості конвенційних формулювань у питанні кваліфікації збройних конфліктів особливої ваги набувають рішення міжнародних судових установ.

Стан дослідження. Проблеми кваліфікації збройних конфліктів у доктрині МГП присвячені численні наукові праці. Зрештою, без розгляду цього питання не може вважатися повноцінним жодний систематичний виклад МГП. Вужча проблема кваліфікації збройних конфліктів у практиці міжнародних судових установ детально вітчизняною міжнародно-правовою наукою не розглядалася, проте у різному обсязі ставала предметом уваги Т. Мерона [1], Дж. Стюарта [2], Ж.-Ф. Квегінера [3], Г. Цибєрі [4, р. 259–342], Е. Каллена [5], С. Віте [6] та